Павел Лебедев: «Кто на мир смотрит разумно — на того и мир смотрит разумно»

Роман Могилевский рассказывает Борису Докторову

Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ) Санкт-Петербургского Государственного университета (раньше — ЛГУ), созданный в 1965 г., — старейший в Петербурге научный центр, в котором социология всегда была одним из ведущих исследовательских направлений. Многие страницы истории НИИКСИ представлены в биографических интервью, которые были проведены мною с теми, кто в разные годы работал в этом уникальном научном центре: Я.И. Гилинским, В.Я. Ельмеевым, О.К. Крокинской, Р.С. Могилевским, Е.Э. Смирновой, Л.В. Пановой, А.А. Русалиновой, В.А. Ядовым. Я просил их рассказать не только о себе, но о своих умерших коллегах, оставивших заметный след в отечественной социологии. В частности, в собранной коллекции интервью есть воспоминания о: П.Н. Лебедеве, В.Т. Лисовском, В.Р. Полозове, Л.И. Спиридонове, Ю.А. Суслове, Э.А. Фомине.

Большинство этих интервью публиковались в «Телескопе». Все это представляется особенно ценным в связи с тем, что в 2015 году НИИКСИ был закрыт, завершилась его полувековая история. Теперь стало много сложнее найти информацию о работе института и о его людях. Сложнее закрашивать многочисленные «белые пятна» в истории нашей науки.

В конце 2015 года ко мне пришел по электронной почте вопрос о ленинградском социологе П.Н. Лебедеве, о котором спрашивающий ничего не мог найти в Интернете. Конечно, я сразу ответил, что первичную информацию о Павле Николаевиче можно найти в интервью с его друзьями Яковом Ильичем Гилинским и Романом Семеновичем Могилевским. И одновременно я обратился к Роману Могилевскому с просьбой подробнее рассказать о Павле Лебедеве.

Приятно, что Могилевский легко отозвался на эту просьбу и обстоятельно рассказал о жизни и исследованиях своего друга, успешно разрабатывавшего сложные проблемы социологии права и государственного управления.

Борис Докторов

— Роман, одна наша коллега спросила меня, не знаю ли я такого социолога — Лебедева. Она искала и ничего не могла найти... это — ужасно... человек жил, работал, сделал немало, мы его помним, но наши коллеги и строчки о нем не могут найти...

— Борис, я рад представившейся мне возможности рассказать о моём покойном друге, выдающемся российском ученом, кандидате философских и докторе юридических наук, авторе большого числа публикаций по проблемам социального управления и права, предложившим множество новых, оригинальных идей в этих областях. Увы, ему была отведена судьбой короткая жизнь — в возрасте 56 лет он умер, не реализовав множества замечательных творческих планов. Это стало большой потерей для науки, близких людей и коллег.

— Ваша дружба, вероятно, позволяет тебе открыть для читателей важные сведения о различных этапах жизненного и творческого пути Павла Николаевича Лебедева, как формировался его интерес к науке, что и кто способствовали развитию научных интересов и выбору конкретных направлений его научного творчества?

— Я познакомился с Павлом во время учебы на юридическом факультете ЛГУ, кажется, в 1959 году. Он поступил на факультет годом позже меня после службы в армии. Обращали на себя внимание замечательные ум, хорошие манеры, образованность, чувство юмора. У Павла был сильный характер, он был человеком дружелюбным, всегда готовым придти товарищу на помощь. Отличался нетривиальной внешностью: сократовский лоб, острые скулы, крупные черты лица, иронический, но теплый взгляд, был очень стройным, выше среднего роста. Внешностью выделялся из толпы. Его друзья, вспоминая Павла, говорят «он был хороший человек». Пожалуй, этим сказано если не всё, то главное. Но при всей своей мягкости Паша был принципиален и непоколебим, когда дело касалось его научной позиции, символов его веры. Надо заметить, что атмосфера шестидесятых имела существенные отличия. На факультете, в известной мере, поощрялись свободомыслие, творческие инициативы, развивались таланты студенческой молодежи.

Дело не только в специфике политической атмосферы того времени, поощряющей в известной степени развитие и творчество, но также в существовании внутри факультета целого ряда «институтов поддержки» развития сохранявших или реанимировавших на время свою силу. Речь, с моей точки зрения, идет о лидерстве по многим направлениям ряда выдающихся ученых — преподавателей факультета, транслирующих должные знания и распространяющих лучшие практики в области преподавания, в том или ином виде противостоящие вульгарным аспектам правовой теории, сделанной исключительно по истматовским лекалам. Общение с этими людьми оказывало значительное влияние на выбор профессиональных карьер, научные интересы, стиль жизни и систему жизненных ценностей, способствовало пониманию связи права с реальностями «естественной жизни».

Существенную роль в формировании социально-ориентированного мышления у студентов играли лекции декана факультета А.И. Королева, умевшего органично связывать изменения в системе права с социально-историческими изменениями. Мы знакомились с книгами, формировавшими у нас общий интерес к тому, что составляло предмет на тот момент запрещенной науки — социологии. Именно факультет оказал решающее влияние на формирование научных интересов, как Павла, так и его друзей и единомышленников. И они, как позднее случилось, вышли за пределы «базовой компетенции» факультета, готовящего в большинстве случаев практических работ-

ников правовой системы. Также обратил бы внимание на то, что факультет реализовывал универсальный подход к преподаванию права, знакомил с широким спектром полезных знаний: от общей теории и истории права до специальных областей психологии (психиатрии), статистики, экономики, логики, госуправления. Наряду с этим студенты, работавшие в научных кружках, знакомились с новыми направлениями науки и возможностями использования потенциала этих направлений в исследованиях права. Следуя этим интересам, многие выпускники факультета впоследствии преуспели в различных областях науки, у них сформировались навыки, необходимые для многостороннего комплексного системного подхода к изучению социальных объектов. Основы, которые были заложены на юридическом факультете ЛГУ в те годы, полученное образование и знания определяли успешность профессиональных карьер. Также важную роль играли студенческие научные объединения, работа в которых развивала, подчас, нетривиальные идеи и направления исследований, а также деятельность факультетской библиотеки, где хранились книги, знакомство с которыми позволяло развивать забытые, но важные направления науки и правовых практик. Заинтересованные студенты попадали не только в атмосферу интересной студенческой жизни, но и получали возможность знакомиться с достижениями науки, с которыми трудно или вообще не возможно было познакомиться в процессе формального обучения.

— Павел воспользовался этой возможностью?

— В полной мере! Особенную роль в его жизни и жизни его друзей сыграл студенческий научный кружок: «Кибернетика и право», руководимый Л. И. Каском, уникальным ученым, креативнейшей личностью, разрабатывавшим новые направления в теории права. Именно он формировал у нас вкус к различного рода инновационным исследованиям, к «взаимодополнениям и пересечениям» в процессах теоретического анализа, к междисциплинарным подходам к объяснению правовых реалий. Он рекомендовал и знакомил нас с работами классиков кибернетики Н. Винером и У.Р. Эшби и др. Дискуссии в кружке касались возможности приложения методов кибернетики, теории систем и других математических теорий к развитию права.. Именно при изучении этих возможностей у Павла возник интерес к исследованию процессов управления и возможностям приложения результатов этих исследований к объяснению процессов социального и государственного управления. Этот интерес он пронес сквозь всю свою творческую жизнь, он был ядром его научных изысканий независимо от того какой контекст или предмет он рассматривал. Наряду с этим, работа в кружке и дискуссии на кафедре теории права, где также позволялись разного рода «вольности», формировали у студентов общий интерес к проблемам социологии права, который подогревался не только актуальной в то время практикой, но также изучением традиций социологии права, заложенной еще до революции русскими и иностранными учеными и общественными деятелями Е. Эрлихом, Л.И. Петражицким, С.А. Муромцевым, Н.С. Коркуновым, Н.С. Тимашевым и рядом других. Здесь большую роль сыграли сохранившиеся библиотечные архивы. Именно библиотека факультета позволила познакомиться с фундаментальной работой Л.И. Петражицкого: «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», надолго ставшей предметом интереса студентов, определивших впоследствии свои научные интересы областью социологии и психологии права и, в принципе, теоретической социологии. В профессиональном самоопределении Павла Лебедева важную роль сыграла знаменитая работа А.А. Богданова «Всеобщая организационная наука», сыгравшая важную роль в становлении теории систем. Павел, несомненно, был лидером и наиболее преуспевающим участником дискуссий вокруг новых направлений изучения взаимодействия общества и права, наиболее осведомленным членом студенческого научного сообщества. Он активно интересовался и хорошо знал литературу, позволявшую развивать предмет научного интереса, умел пользоваться навыками работы с этой литературой. При изучении литературного наследия, как я уже сказал, мы могли пользоваться публикациями фундаментальных работ многих старых авторов, которые вопреки цензуре сохранились и находились в свободном доступе в факультетской библиотеке и которые сохраняли свою актуальность. Павел не только знал эту литературу, но для многих из нас стал проводником по её «пространствам».

— Роман, означает ли это, что интерес Павла Николаевича Лебедева и его коллег к социологии, их выход на пространство социологической науки, в первую очередь, сформировался в результате знакомства с классическими работами в области социологии права и с рядом новых направлений в области «точных наук»?

— Именно так. В первую очередь интерес к социологии права стал фундаментальной основой развития общего интереса к социологической науке, её отраслевым подразделениям и прикладным аспектам. Группа выпускников юридического факультета, среди которых наиболее яркой звездой был Павел Лебедев, свою профессиональную карьеру связала с работой в различных направлениях и предметных областях социологической науки, в которой и преуспели. Рекрутами того периода, о котором я говорю, вспоминая факультет, можно в первую очередь назвать таких будущих неординарных ученых социологов, друзей и коллег Павла как Ю. Суслов, Э. Фомин, А. Шаров, В. Бочкарева и некоторые др. С моей точки зрения, реабилитация социологии после долгого периода запрета исследований в этой области была определена не только политическими моментами и творчеством известного круга лиц, которым социология своим восстановлением обязана, прежде всего (если говорить о петербургских ученых, то речь, в первую очередь, идет о В. Ядове и круге его друзей и единомышленников, о А. Здравомыслове, Б. Фирсове, Б. Докторове, С. Кугеле и др.), но также работой тех, кто реанимировал интерес и проводил исследования в области социологии права, адаптировал новые направления науки к изучению общества. Павел Лебедев среди них играл выдающуюся роль.

— Наряду с обучением у выдающихся ученых правоведов, работой в студенческих научных кружках, использованием уникальных библиотечных ресурсов факультета, какие еще источники знаний играли важную роль в профессиональном становлении Лебедева и его коллег?

— К ним стоило бы отнести появление в тот период ряда переводов выдающихся работ, позволявших развивать формирующийся интерес к «новому обществознанию». Они публиковались во многих случаях как литература, рекомендуемая специалистам в области фундаментальной и прикладной математики, математической статистики, однако не составляло труда оценить и раскрыть методическую и методологическую роль этих книг в формировании специалиста, занятого постижением сущности быстро меняющегося общества, как тогда называли — обществоведа. Вот один пример активного интереса Павла к новой для того времени литературе. Один из тех людей, кто принимал активное участие в работе студенческого научного общества, рассказывал мне, как однажды, проходя по коридору факультета с томом «Капитала» К.Маркса, он встретил Павла, который, поинтересовавшись, что за книгу несет его приятель, забрал её у него со словами «почитай вот это» передал ему взамен столь же убористый том Г. Беккера и А. Боскова: «Современная социологическая теория в её преемственности и изменениях», популярную в то время книгу, знакомящую с основами современной социологической науки. Замечу, что это в тот период вовсе не означало недоверие Павла ко всем выводам марксистской теории относительно развития общества, просто он лучше многих других представлял дорогу, по которой пойдет общественная наука в постижении социального мира.

— Сохранились ли какие — нибудь публикации Павла того периода?

— Боюсь, что ранних публикаций не сохранилось. Скорее всего, это тексты из сборников студенческих научных работ, но мне не удалось найти что — нибудь из этой истории. Вообще публикации тех лет существенно цензурировались, и не всякая публикация появлялась в печати. Процветал «устный жанр»: выступления на семинарах, студенческих научных конференциях, выступления в студенческих научных кружках, дискуссии в неофициальной обстановке. И, конечно, написание дипломных и курсовых работ позволяло студенту обнаружить свои способности и научные интересы. Павел с отличием защитил диплом, его курсовые работы были отмечены кафедрами как чрезвычайно удачные. Но вообще, мне кажется, что Павел не гнался за количеством публикаций, публикации появлялись не раньше, чем формировались новые идеи и критические оценки. И это относится ко всему периоду его работы в науке, а не только к ранним периодам. Вообще для его научной деятельности, что в молодости, что в зрелом возрасте, характерно, прежде всего, стремление обнаружить и следовать смыслу и научному интересу к какому — либо предмету, идеи или событию. Когда он обнаруживал в каком — то предмете смысл и логику, он с удовольствием подвергал его анализу, вступал в полемику с оппонентами, определял дальнейший образ действий. Его не увлекали исключительно политические или прагматические резоны, они не являлись доминирующими при выборе целей дальнейшей «работы» с предметом профессиональной заинтересованности, способов достижения целей, при поиске оснований для профессиональной карьеры или определении стратегии исследования.

— Как я понял, его таланты были довольно скоро обнаружены и оценены преподавателями и учеными факультета, они поддерживали и поощряли его работу в науке. Как случилось, что после окончания факультета, он не продолжил обучение в аспирантуре или работу на какой — либо кафедре?

— Случилось так, что курс, на котором я учился, «проявил инициативу». Силами студентов мы сделали и вывесили стенную газету с большим числом материалов, посвященных жизни курса, но также с некоторыми оценками актуальных явлений общественной жизни. В работе над газетой приняло большое число студентов, занятых оформлением газеты, написанием текстов и другим. Газета заняла целый коридор помещения факультета, вызвала большой интерес студентов, да и явный или скрытый интерес преподавателей. По тем временам это был своего рода подвиг. Без разрешения парткома, комсомольской организации и прочих официальных инстанций появилось самодеятельное печатное издание, материалы которого могли содержать точки зрения, отличные от тех, которые могли быть разрешены. Я, в частности, опубликовал редакционную статью, в которой попытался нарисовать портрет молодого человека послевоенного поколения, с новой, с моей точки зрения, системой интересов и ценностей. Статья вызвала большой интерес у студентов. В следующем номере газеты на неё откликнулся Павел, который не просто принял участие в дискуссии, но не согласился с некоторыми из моих утверждений, углубил и сделал более острыми идеи, связанные с содержанием статьи. Статья Павла было очень интересной и глубокой, но она вызвала критику и негативную оценку парткома. Павла стали «разбирать», критиковать, накладывать взыскания. Именно в этот период произошло моё знакомство с Павлом, ни для него, ни для меня полемика не стала препятствием к знакомству и дружбе, а нападки лишь объединили нас. Впрочем, ему, конечно, досталось в этот период больше, чем мне, и кончилось для него хуже, чем для меня. При распределении ему не предоставили возможность распределиться в Ленинград или область. Его распределили в Сибирь, в город Карасук, где он проработал в течение двух лет следователем прокуратуры. Условия жизни и загруженность работой, конечно, существенно препятствовали дальнейшему обучению и самостоятельной научной работе, хотя не остановили её полностью. Не тот был человек и не тот характер, чтобы сдаваться. После возвращения из «ссылки» в Ленинград Павел продолжил научную работу, и с помощью университетских деятелей, продолжавших ему симпатизировать, был принят на работу в НИИКСИ ЛГУ.

— Многие друзья Лебедева относят период работы в НИИКСИ к самому плодотворному периоду его жизни. Согласен ли ты с такой оценкой?

— Пожалуй! В этот период произошли наиболее значимые события его творческой и личной жизни, профессиональной карьеры. К нему относятся защита кандидатской (1969 г) и докторской диссертации (1982 г), были опубликованы основные научные работы, к которым я бы отнес авторские монографии «Очерки теории социального управления» изданную в 1975 году, и более позднюю работу: « Социальное управление» (1982 года). Она составила основу диссертации Павла на звание доктора юридических наук, которую он успешно защитил в том же 1982 году. Параллельно им был опубликован целый ряд научных работ как по темам, связанным с основным научным интересом, так и по плановым темам Института. Большая часть работ была опубликована в ежегодном сборнике работ Института: «Человек и общество». В них мы обнаружим публикации по проблемам природы социальности, социализации, преступности, управления развитием крупных городов и многое другое. Павел был один из наиболее активных авторов статей в сборнике, участвовал в обсуждениях разнообразных тем. Часто разносторонность и талант Павла с легкостью позволял ему инкорпорировать вроде бы отдаленную от основного интереса тематику социального управления к контексту актуальных тем, придать исследованиям по «навязанной» тематики новый смысл. С ростом научной квалификации менялся должностной статус. За период работы в НИИКСИ Павел прошел целый ряд этапов должностного роста: от «рядового» научного сотрудника до руководителя одной из ведущих лабораторий Института — лаборатории управления. Замечу также, что в Институте Павел встретил женщину, которая стала его женой и матерью его сына. Так что действительно институт стал для Павла целым миром, объединившим события жизни, достижения, победы и поражения в творчестве, которых было много меньше, чем побед.

— Как сам Павел Николаевич возпринимал сделанное им, что относил к достижениям, что с годами отрицал и подвергал критике?

— Павел при всей своей внешней мягкости был принципиален и непоколебим, когда дело касалось его научной позиции, но в то же время в работе, в подходах к исследованиям он часто был разумно гибким. Он был очень требователен к себе, очень критичен, внимательно следил за научными дискуссиями и часто признавал необходимость согласиться с мнением оппонента или менял подходы к исследованию той или иной проблемы под влиянием собственной рефлексии.

Наиболее характерным примером его способности меняться под давлением новых фактов и развития идей является изменение его отношения к сущности социального управления. В первых работах он раскрывал природу этого феномена скорее со структурно — функциональной, «технологической» точки зрения, уделяя первостепенное внимание организационному строению процессов управления, тогда как в более поздних работах он фактически признал такой подход к теории социального управления недостаточным и обратил особое внимание на общественную природу процессов управления, их связь с историческим, политическим, идеологическим контекстом. Сам Павел полагал, что, анализируя процессы управления, следует преодолеть «технологический» контекст и основываться на преимущественно социальной природе процессов управления, однако с позиций сегодняшнего дня следует при-

знать, что оба подхода оказались востребованными при анализе различных объектов социальной реальности. Так структурно-функциональный анализ позволяет должным образом решать проблемы корпоративного управления, такие, например, как эффективность деятельности бизнес — корпораций, надежность систем управления ими. Подход с позиции социальной сущности процессов управления, позволяет лучше понять природу государственного управления, электоральные и иные политические процессы, гражданские инициативы и другое. Заметим, что многие суждения Павла в отношении природы социального управления до настоящего времени оказываются справедливыми, но, к сожалению, не всегда востребованными практикой. К этому я бы добавил способность Павла находить решения самых сложных, а иногда просто неожиданных задач. Вот пример. Павлу не удавалось получить данные о профессиональной и демографической структуре государственных служащих высшего эшелона, занятых управлением, ни первичных, ни производных. Они необходимы были ему для анализа процессов, но в тот период эти данные относились к категории государственной тайны и не находились в свободном доступе. Павел нашел решение. Он сообразил, что эти данные можно найти в некрологах, собирал, кропотливо и талантливо анализировал некрологи, публикуемые в открытой печати, в связи со смертью того или иного должностного лица. Анализ позволил получить должную информацию в отношении целевой группы. Идея оказалась правильной и надежной, позволяющей решить задачи, стоящие перед исследователем.

— Из твоих ответов видно, что большую роль в творческом и человеческом становлении Лебедева сыграл Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ) при ЛГУ. Что, с твоей точки зрения, делало этот институт привлекательной средой для творческих людей?

— Безусловно, НИИКСИ займет важное место в послевоенной истории становления социальной науки в стране. Он был образован по инициативе академика Б.Г. Ананьева в 1965 г. как межфакультетская структура Ленинградского государственного университета в результате слияния нескольких существовавших при факультетах лабораторий, а также открытия новых. Это были различные по профилю деятельности структуры, занимающиеся психологическими, экономическими, юридическими, социологическими и культурологическими исследованиями. Такой принцип объединения научных дисциплин в рамках одного научного плана получил название комплексность. Предпринимались попытки научного обоснования принципа комплексности, впрочем, не всегда удачные. Тем не менее, комплексность, даже в форме эклектического объединения разных предметов и методов, стала органической чертой организации работы в институте и нашла отражение в его названии. В те годы в стране во всю давали о себе знать проблемы снижения «эффективности общественного производства», низкая эффективность труда, дефицит товаров народного потребления, низкий уровень жизни. Политическое руководство того времени предложило обществу свое объяснение происходящему. Оно склонно было считать, что все дело в низкой дисциплине труда, высокой текучести кадров и других негативных проявлениях «человеческого фактора». Несмотря на стремление изменить ситуацию административными, организационными и пропагандистскими методами, проблемы не решались. Тогда-то и появилась идея комплексной детерминации поведения работников и комплексного воздействия на поведение для повышения эффективности труда.

Эта идея нашла воплощение в практиках разработок планов социального развития коллективов и сопутствующих этому научных исследованиях. Несмотря на утопичность этих практик, они дали серьезный толчок развитию ряда научных направлений. Идея социального планирования стала ключевой в работе НИИКСИ, а исследования и разработка комплексных планов — главным направлением его научной деятельности. Социальное планирование являлось визитной карточкой НИИКСИ и хорошим аргументом в отстаивании необходимости его самостоятельного существования. Комплексный институт, работавший в области социальных наук, сам по себе был инновационной идеей. Её реализация означала поиск принципиально новых приемов исследования, подготовку и использование специалистов нового профиля, нахождения новых форм организации научной деятельности. Очевидным был синергетический эффект взаимодействия участников комплексных исследований, позволявший ожидать успешное решение поставленных задач. Инновационный характер института, выдвижение новых задач послужило стимулом того, что он явился привлекательным местом для многих талантливых исследователей. В частности, те, кого я упомянул, указывая на особую роль юридического факультета, в формировании специалистов в области социологии права, фактически полным составом перешли (пришли) на работу в институт. Одним из первых в НИИКСИ стал работать Павел Лебедев. Внешне работа института ничем не отличалась от работы других советских научных учреждений. Задачи, стоявшие перед институтом в те годы, формировались таким образом, чтобы наука укладывалась в прокрустово ложе официальной идеологии, благодаря «заботам» партийной организации и кадровых служб должно было обеспечиваться следование официальным установкам в сфере проведения исследований и в оценке их результатов, в «подборе и расстановке» кадров. Административное руководство, прежде всего, должно было считаться с идеологическими и политическими ограничениями того времени. Отсюда застойные явления в ряде направлений развития. Тем не менее, с уверенностью можно утверждать, что коллектив института внес значительный вклад в развитие исследовательских практик в ряде областей общественных наук, дал толчок формированию новых направлений исследования и подготовки специалистов.

Замечу, что институт, как правило, не только воспроизводил форматы и принципы, сформулированные «партией и правительством», но во многих случаях действовал и вопреки этим форматам. Речь идет не только о выдвижении принципиально новых идей и о развитии инновационных для того времени методов научного анализа, но и о формировании специалистов нового профиля, способных выдвигать и решать принципиально новый круг задач. Так, были выдвинуты идеи комплексных социальных исследований и определены области её приложения, определились научные лидеры, успешно продвигавшие эти идеи и подходы к решению актуальных проблем. К числу выдающихся достижений того периода следует отнести идею комплексного социального планирования крупных городов, противопоставившую преимущественно технократическому подходу к планированию развития подход, учитывающий различные аспекты «человеческого» развития», «человеческого измерения социальных процессов». Этот подход потребовал органичного объединения специалистов различного профиля — социологов, психологов, юристов, экономистов и др., для поиска решений сложных комплексных социальных задач. Он потребовал также подготовку специалистов с универсальными навыками и широким профилем. Процедура нахождения общего подхода и способов решения сложных межотраслевых и многофакторных задач, само по себе являлась инновационной задачей, предполагала разработку общетеоретической основы, поиск модели общей работы, требовала проведения специальных исследований и привлечение соответствующих специалистов. Специалисты, прошедшие все этапы этой работы, получали материал для научного обобщения новых знаний и навыки научной и преподавательской работы в новых областях. Не случайно из числа работников института вышло значительное количество преподавателей высокой квалификации, кандидатов и докторов наук. Универсальные умения и навыки, приобретенные в процессе работы в институте, обеспечивали

высокие профессиональные достижения, успешные преподавательские карьеры, создание широко цитируемых публикаций, но также, во многих случаях, жизнеспособность человека перед лицом принципиально нового круга задач, которые ставила жизнь в тех случаях, когда он менял профессию и место работы. Можно отметить успешное позиционирование людей, прошедших школу НИИКСИ, в смежных областях — на ниве образования, в бизнесе, в юридической практике, в административной работе и в других сферах.

Качества, которые приобретались специалистами в институте, определяли возможности их универсального использования в принципиально новых сферах научной, административной и гражданской работы. Достижения института в инновационных направлениях исследований и в разработке социальных технологий (например, комплексных программ развития), в обосновании новых подходов к подготовке кадров заставляют сомневаться в суждениях некоторых о преимущественно консервативной природе деловых и научных установок, которыми якобы руководствовался институт в своей работе. Вряд ли этим термином можно охарактеризовать научную и организационную философию, исповедуемую институтом. Коллектив Института не во всем и не всегда следовал сложившимся в тот период традициям ведения научной работы, принятым стандартам проведения научных дискуссий, нормам профессионального общения, правилам научного обмена, во многом не разделял «советскую версию» консерватизма. Будет справедливым утверждать, что в неформальном пространстве научных и человеческих коммуникаций сотрудников можно было обнаружить проявления свободомыслия, стремление к выдвижению новых идей, критику догматизма, обсуждение и заимствования полезного иностранного опыта. При этом ряд руководителей фактически поощрял или не препятствовал свободным дискуссиям и критическим оценкам принятых догм. Упомяну в этой связи самого П.Н. Лебедева, а также В.В. Орехова, Ю.А. Суслова, Е.Э. Смирнову, В.Т. Лисовского, Л.И. Спиридонова, Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова и др. Конечно, не только существование «скрытых функций» и альтернативных практик научной деятельности придавали институту роль драйвера нового организационного строительства и научного роста специалистов.

Прежде всего, следует обратить внимание на работу коллектива института над рядом оригинальных идей и направлений исследований, до сих пор не потерявших своей актуальности. Речь, в первую очередь, идет о работе над идеями социального развития, комплексного социального планирования, социальной эффективности действия правовых норм и, связанных с разработкой этих идей, исследованиями в ряде смежных областей, в экономике, социологии, психологии, праве, в теории управления, и других. Эти идеи развивались в рамках тематических планов отдельных лабораторий, возглавляемых известными специалистами, а также в инициативном порядке отдельными выдающимися исследователями. К ним я отнес бы П.Н. Лебедева, выдающегося исследователя процессов социального управления, автора монографий, радикально менявших сложившиеся в тот период представления о природе социального управления. Таким образом, наряду с работой над плановой тематикой, багаж достижений института пополнялся исследованиями, носящими инициативный характер. В большинстве случаев они также носили инновационный для тех лет характер. Успехи в работе над этими направлениями, во многом, были связаны с неформальной творческой атмосферой работы, выдвижением неординарных идей, свободными дискуссиями специалистов, с распространением вопреки административным барьерам лучших зарубежных практик изучения и решения соответствующих проблем.

Конечно, кроме острых дискуссий, имевших, в большинстве случаев, преимущественно вербальное выражение, творчество специалистов НИИКСИ отражалось во многих неординарных публикациях. Кроме того, производству нового знания и выдвижению нетривиальных идей способствовало проведение методических семинаров и научных конференций, посвященных проблемам природы социальности и социального развития. Научные обмены в рамках этих мероприятий привлекали внимание и способствовали участию многих известных специалистов и практиков. Деятельность Ученого совета института и особенно методических семинаров отмечалась известной мерой свободомыслия, дозволялись различные подходы к обсуждаемым проблемам, к дискуссиям приглашались специалисты из других подразделений университета, которых трудно было заподозрить в догматизме. Многие их тех идей, обсуждение которых явилось проявлением инициатив отдельных ученых или входили в творческие планы института, оказались востребованными наукой позднее, но в тот период не получили должного развития. Поэтому далеко не во всех случаях можно говорить о том, что работа над теми или иными инновационными идеями и теориями привела к значительным достижениям, однако, во многих случаях, она породила реальные исследовательские практики, а также дискуссии специалистов и экспертов, способствовали развитию определенных направлений общественной науки.

— Нельзя не согласиться с тем, что в те годы особую роль в эффективном развитии и полезном функционировании научных организаций играли не столько организационные факторы, сколько подбор сотрудников, их отношения и человеческие качества. Похоже, что Павлу Николаевичу повезло, его в большинстве случаев окружали хорошие и творческие люди, не так ли?

— Достижения в исследованиях были бы невозможны, если бы институт не стал местом коммуникаций большого числа незаурядных, неординарных, талантливых людей, интеллектуалов, «литературных червей», хороших профессионалов и просто доброжелательных и остроумных людей. В определенном смысле — свободных людей. Именно их коммуникации формировали общую атмосферу труда, свободный и не предубежденный характер «делового и межличностного общения», способствовали появлению нетривиальных идей. Впрочем, в большинстве случаев, речь шла о коммуникациях внутри узкого пространства неформального повседневного делового общения, где действовали законы свободного творчества и не цензурируемых идейных обменов. Если же речь шла о профессиональных карьерах, защите диссертаций, занятие руководящей должности, о получении каких — либо «бонусов», то нужно было следовать установившимся правилам, учитывать различного рода административные и политические ограничения, считаться с бюрократическими требованиями и официозным климатом профессионального общения. Преимущества относительно свободного существования проявлялись в большей мере в качестве и стиле трудовой жизни, чем в содержании научной работы, в выборе тем и методов исследования, когда специалист был скован необходимостью следовать официальным догматам и идеологическим ограничениям. Но косвенно атмосфера межличностной свободы и творческих коммуникации приводила к рождению нетривиальных инновационных идей и полезных практик. Эта атмосфера во многом обеспечивала творческую работоспособность института, делала возможной неформальное лидерство или особую роль отдельных выдающихся специалистов, чей авторитет и знания играли подчас большую роль в «производственной деятельности» института, чем указания прямого начальства. В создании творческой атмосферы важную роль играли разного рода неформальные группы, задающие нормы творческого общения и правила, которым следовало значительное большинство специалистов при выборе способов достижения профессиональных целей. Речь, прежде всего, о группах объединенных профессиональными интересами, общими системами ценностей, личностными историями, культурными предпочтениями. Как и в любом творческом коллективе, в институте выделялись груп-

пы «по интересам», привносившие в общую жизнь коллектива специфические черты, обогащавшие общение и способствующие поиску новых идей. Эти группы идентифицировались, прежде всего, по профессиональному признаку, в повседневном общении их чаще всего обозначали как «экономисты», «юристы», «психологи», «социологи», «молодежники», «вычислители» и др., чем подчеркивалась профессиональная и культурная принадлежность, которая позволяла идентифицировать группы в большей степени, чем формальный статус. Я надеюсь, что мои коллеги расскажут о людях, входивших в эти «микроколлективы», среди которых были поразительно неординарные персоны. Мне же хотелось отметить тех, кого называли «юристы» и кого я считал единомышленниками и товарищами. Эта группа оказала значительное влияние на уровень профессиональных достижений и становление организационного статуса института, профессиональный климат и выбор направлений исследований. Опять-таки отмечу выдающуюся роль таких представителей коллектива института из числа «юристов» как П.Н. Лебедев, Л.И. Спиридонов, Я.И. Гилинский, Э.А. Фомин, Ю.А. Суслов, А.Н. Шаров, К.А. Моралёва и др. Говоря об этой группе («юристов»), я бы особо выделил выпускников юридического факультета ЛГУ 1963-1965 гг. Лебедева, Суслова, Фомина, Шарова, Экимова и др., о которых уже шла речь в этом интервью.

— Создается впечатление, что жизненный путь и творческий рост Павла в этот период был безоблачным и исключительно комфортным. Что, проблем не было?

— Во-первых, действовали идеологические и политические ограничения, которые сказывались на жизненных планах, на самоощущении и мировосприятии творческих людей, снижало удовлетворенность жизнью. Как я говорил, Павел не был активным противником власти, диссидентом, однако, многие решения и действия властей он не мог не понять, не простить. Очень критической и острой была его реакция на ввод советских войск в Чехословакию и другие политические экспромты власти тех лет. Во-вторых, у Павла, как у всякого успешного и талантливого человека, было немало завистников, недоброжелателей. И, прежде всего, в среде менеджмента Института. Ему создавались препятствия в отношении творческого и должностного роста. Но дело не только в недоброжелателях. Любая бюрократическая система обладает долгой памятью, а Университет и был в тот период большой бюрократической системой. В её памяти еще хранилась информация об идеологических «шалостях» Павла в период обучения на юрфаке. В воспоминаниях Я.И. Гилинского есть подробные описания того, какие трудности ему создавались в период подготовки и защиты диссертаций, с каким трудом они преодолевались Павлом. Вот как описывает Я.И. Гилинский истории, связанные с защитой Павлом диссертаций: «Долго не давали защитить кандидатскую диссертацию. Накануне защиты выяснилось, что у Паши не сдан кандидатский экзамен по специальности. Пошел срочно сдавать и... получил двойку за вопрос по диссертации, уже полностью написанной и назначенной к защите. Кажется, Л.И. Спиридонов сумел организовать пересдачу. У меня дома хранятся три различных автореферата его докторских диссертаций. К тому времени Паша — автор фундаментальных работ (по достаточно модной тогда теме — управление и право), включая пару монографий. Дважды в последний момент ему срывали защиту: тема не та, не по тому совету, не по той специальности и т.п. Он решил докторскую не защищать. Мы уломали, уговорили его. Наконец, назначен день защиты его третьей докторской диссертации. Подходим к зданию на Менделеевской линии, философский в тот период решающий факультет ЛГУ. Нас не пускает вахтер: все отменено, электричество отключено, никого в здании нет. Пробились на факультет, идем по совершенно темному коридору, дело было вечером зимой, где-то тускло маячит свет. Это собирается диссертационный совет, всю защиту работавший... при свечах. «Паша, это только с тобой такое может быть» — не сговариваясь, говорили мы». Очевидно, что он сталкивался не только с действием завистников, но, прежде всего, с эхом тех событий, которые произошли существенно раньше и которые были оценены отдельными партийными и государственными руководителями как «идеологическая диверсия», требующая «мести». Слава Богу, в тот период времена уже менялись, позиции людей симпатизирующих Павлу усилились, они помогли ему преодолевать трудности.

— Как бы ты охарактеризовал движение П.Н. Лебедева по «должностной лестнице» в период работы в НИИКСИ, как мне кажется, в тот период от успехов на этом пути решающим образом зависели возможности творческого роста и качество жизни специалиста?

— Павел освоил за время работы в НИИКСИ максимальное число «должностных позиций». Он прошел путь от младшего научного сотрудника до руководителя одной из ведущих лабораторий Института, приглашался на работу в различные лаборатории и на различные проекты. В творческом отношении, возможно, наиболее полезной и интересной для Павла была работа в социологической лаборатории на должности старшего научного сотрудника. Здесь ему пришлось выполнять совместную работу с целым рядом высокоталантливых и образованных коллег, с либеральным и талантливым руководителем лаборатории Л.И. Спиридоновым, с перешедшим в социологическую лабораторию ныне крупнейшим специалистом в области девиантологии Я.И. Гилинским, известными специалистами М.Н. Межевичем, А.Н. Шаровым, Л.А. Барановой и некоторыми другими. Ядром научных исследований лаборатории стала тематика социализации индивида и воспроизводства общества, социального развития эффективности социальных норм, роли государства и права в функционировании институтов общества и планировании его развития. Исследования сопровождали интереснейшие дискуссии, выдвижение нетривиальных идей, развитие теорий и методов исследования. Желающим познакомиться с некоторыми результатами работы коллектива, в составе которого важнейшую роль играли исследования Павла Лебедева, я бы порекомендовал ознакомиться с девятым выпуском сборника «Человек и общество»: «Проблемы социализации индивида». В этот период были опубликованы важные в методологическом отношении статьи Л. Спиридонова, П. Лебедева, Я. Гилинского, Л.А. Барановой по проблемам социализации индивида. Несколько позже были опубликованы важные статьи сотрудников лаборатории по проблемам социально-экономического планирования. Замечу, что существенно позже, в 1989 году, некоторые из этой неординарной группы специалистов, например Гилинский и Лебедев, «воссоединились» в Социологическом институте АН СССР, продолжив изучение профильных социальных проблем. С точки зрения развития творческого потенциала и научных достижений период работы Павла в социологической лаборатории НИИКСИ был наиболее успешным. Еще одним важным периодом работы стало руководство лабораторией социального управления. В этот период раскрылся талант Павла как научного руководителя и высококвалифицированного консультанта. Лаборатория не только успешно выполняла планы научных работ, но и консультировала властные учреждения города, такие как Мэрия и Ленсовет, и другие, помогая совершенствовать процессы принятия и реализации решений. Лаборатория при этом расширяла прикладные направления своей деятельности, принимая активное участие в межлабораторных проектах, связанных с планированием социального развития предприятий и крупных городов.

— Возвращаясь к оценке роли НИИКСИ в профессиональных карьерах и творческих достижениях отдельных специалистов, хотелось бы заметить то, что в разное время многие талантливые ученые перешли из НИИКСИ на работу в другие научные учреждения. Это справедливо и в отношении Павла Лебедева. Что мешало этим людям продолжить работу в университете?

— Замечу, что средняя продолжительность трудового стажа большинства уволившихся сотрудников НИИКСИ достаточно велика, думаю в пределах двух десятков лет. Естественное движение кадров объясняется не только накопившимися проблемами работы на одном месте, например тревогами в отношении судьбы института, для которых, как показало время, были основания, но также конкуренцией со стороны других научных учреждений в отношении качества трудовой жизни. Надо признать, что движение это определялось способностью менеджмента Университета и Института создать условия жизни и работы своих сотрудников с учетом изменений в их квалификации и профессиональных ожиданиях. Как показывает картина движения кадров, это не всегда получалось. Уход целого ряда сотрудников, включая П. Лебедева, конечно, стал существенной потерей для Института и качества его работы.

— После ухода из НИИКСИ Павел Нилокаевич сблизился с командой, которая в тот период играла важную роль в преодолении разного рода препятствий в становлении достойной роли социологической науки в обществе и среди обществоведческих наук, хотя и на определенных этапах активно оппонировала власти; её можно именовать «Ядовской командой». Что привело Лебедева к сотрудничеству с этими исследователями?

— Действительно после увольнения из НИИКСИ, Павел был принят на работу в ИСЭП АН СССР, а затем после образования Ленинградского филиала Института Социологии РАН вместе с упомянутой группой специалистов перешел на работу в новый Институт. Переход, кроме тех причин, о которых я говорил, был связан с уверенностью Павла в том, что уровень специалистов и творческие возможности работы в новой команде были более привлекательными и полезными с точки зрения дальнейшего научного роста, кроме того сказывались давние научные симпатии к работе и людям, двигавшим социологию в «правильном направлении». Так что выбор Павла не был случайным и исключительно практическим. В 1985 году в новом институте он возглавил сектор социального планирования, впоследствии социальной политики. Он продолжал свою научную и управленческую деятельность, много публиковался.

— Какие результаты П.Н. Лебедева ты бы отнес к числу наиболее важных научных достижений возглавляемого им сектора?

— В первую очередь я бы выделил результаты исследований так называемого «человеческого фактора» в системе государственного управления. Уникальное исследование, существенно добавившее понимание того, как формируется и развивается система государственного управления, под влиянием кадровой политики и кадровых практик, как эти процессы влияют на эффективность управления и воспроизводство госдарственной системы. Основные результаты этой работы подробно изложены в принципиально важной статье «На вершине управленческой пирамиды», опубликованной Л.В. Возриковой, Л.Д. Докторовой, и П.Н Лебедевым в 1990 году. В ней анализируются вопросы эффективности государственного управления в зависимости от того учитывается ли при проведении кадровой политики тот факт, что функционирование системы государственного управления осуществляется живыми людьми с противоречивыми интересами, то есть зависит не только от организационного фактора, но и от качеств самого персонала органов управления. Авторы утверждают, что такой подход означает коренной переворот в понимании возможностей и ресурсов государственного управления. В этой связи авторами исследования проанализированы характеристики (возрастные, образовательные, род занятий и другие) лиц из высшего эшелона персонала органов управления и связь этих характеристик с эффективностью и качеством принимаемых решений. Лично я считаю это исследование замечательным, но до сих пор недооцененным и полезным для использования в будущем.

— Был ли проявлен интерес к работе Лебедева в области совершенствования системы государственного управления со стороны практиков управления, чиновников?

— Был отмечен значительный интерес. Всё чаще он оказывался востребованным как специалист в области управленческого консалтинга. Он продолжил работу, связанную с изучением функционирования исполнительных органов власти и депутатского корпуса и консультированием управленческого персонала. Не случайно в публикации, посвященной смерти Павла, Мэрия Санкт-Петербурга следующим образом охарактеризовала деятельность Павла Николаевича: «Обладая большими знаниями в своей области, твердыми гражданскими убеждениями, Павел Николаевич Лебедев живо откликался на актуальные общественные проблемы современности и плодотворно работал экспертом Петербургского Совета народных депутатов и Мэрии по вопросам социальной политики и социально — экономического развития Ленинграда — Санкт-Петербурга»

— Подводя итоги нашего интервью, я бы хотел, Роман, спросить тебя каким с твоей точки зрения было жизненное кредо Павла Николаевича, какой главной идеей он руководствовался в жизни?

— Павел не раз цитировал высказывание Гегеля: «Кто на мир смотрит разумно, на того и мир смотрит разумно». Мне кажется, это суждение в том значении, которое ему придавал Гегель, в полной мере относится к жизни и творчеству Павла Николаевича Лебедева. Он разумно смотрел на мир и в его поступках и действиях находил отсвет «мирового разума». Отсюда — уважение признание и память людей, знавших его и любивших. Но кто знает, какова мера разумности мира? Характеризуя потерю Павла, Я.И. Гилинский дал такую характеристику, с которой нельзя не согласиться всем друзьям Павла: «... смерть его была глупая, ранняя, бессмысленная. Положили в больницу готовить к операции на сердце, а это была язва желудка, началось бурное кровотечение, сделали удачную операцию и... угробили в реанимации, не обеспечив требуемый послеоперационный уход». Попробуй, найди в этой смерти хоть каплю смысла.

В общем, Павел Лебедев был необыкновенно светлым и чистым человеком и креативным, талантливым ученым. И таким он живет в памяти всех, кто его знал.

— Спасибо тебе большое Роман. Пока мы помним человека, он жив...